

АНАЛОГИИ ОКУНЕВСКОГО ИСКУССТВА В ПЕТРОГЛИФАХ КОРЕИ

*Статья посвящена сопоставлению изображений окуневских плит и их аналогий в петроглифах Кореи.
Ключевые слова:* окуневская культура, каменные изваяния, петроглифы, Хакасия, Корея.

D.A. Miyagashev

SOME ANALOGIES OF THE OKUNEV ART IN PETROGLYPHS OF KOREA

*The article is devoted to the comparison of images of okunev plates and some analogies in rock art of Korea.
Key words:* okunev culture, menhyrs, petroglyphs, Khakasia, Korea.

Искусство окуневской культуры Хакасии широко представлено антропоморфными изображениями, личинами, изображениями животных – быков, лосей и фантастических существ в скелетном (или рентгеновском) стиле. Антропоморфные личины являются основным сюжетом каменных изваяний, большинство из них изображалось на стелах саблевидной, заостряющейся кверху формы. Основное изображение обычно помещается в нижней части передней грани камня, невысоко над землей. Изредка это изображение представляет собой более или менее рельефное реалистическое воспроизведение лица человека. Зачастую в них сочетаются человеческие черты с животными. Отличительной чертой этих личин являются бычьи или олени рога и уши, змейчатая лента, поднимающаяся вверх до вершины стелы, частое обрамление лица змейчатыми линиями, разграничение лица на зоны поперечными бороздами ниже глаз, под ноздрями и по подбородку, наличие у большинства из них наряду с глазами, обычно переданными двумя концентрическими кругами, и третьей аналогичной фигуры на лбу. На боковых гранях, а иногда и на передней (под личиной), изображения четырехлучевых звезд с кругом в центре.

Анализу и семантике окуневских стел посвящено немало работ. Многими исследователями выделяется “дыхание” древневосточных цивилизаций, а также скотоводческая тематика в искусстве окуневских племен [16, с. 12]. Соответственно с этим сложилось три точки зрения по поводу происхождения окуневской культуры. По одной гипотезе истоки культуры связаны с ямно-катакомбным кругом памятников Восточной Европы [14, с. 151-152; 17, с. 209-212; 9, с. 40; 3, с. 316]. По другой гипотезе – с Передней Азией [8, с. 234; 15, с. 81; 1, с. 55-56]. По третьей гипотезе – с Дальневосточным регионом [19, с. 131; 20, с. 236].

В целом же ареал распространения антропоморфных изображений обширен и не ограничивается Хакасско-Минусинской котловиной. В Северной Азии они известны на Алтае, в Туве, в Приангарье, в Северо-Восточном Китае и на Корейском полуострове. На это обращают внимание Н.В. Леонтьев, В.Ф. Капелько и Ю.Н. Есин и считают, что тематика и стиль произведений окуневского искусства значительно большее сходство обнаруживают в искусстве Центральной Азии и Северо-Западного Китая (изображения антропоморфных ликов, «скелетный» стиль изображения животных, манера изображения рогов крупного рогатого скота, оформление хвоста, солнцеголовых божеств и др.). Таким образом, окуневское искусство представляется как северная периферия обширной центральноазиатской культурной области [10, с. 75-76].

Впервые на аналогии изображениям каменных плит Хакасии в культурах Восточной Азии указывал С.В. Киселев. Исследователь, предполагая карасукскую датировку каменных стел, сопоставил их с личинами Тао-те – символа благополучия и счастья эпохи Шан-Инь и раннего Чжоу [6, с. 166-168]. Позднее, в связи с пересмотром датировки и культурной принадлежности каменных стел, С.В. Киселев сравнил их с изображениями на китайской керамике эпохи неолита из Баньпо [7, с. 56-57].

На основании вторичного использования некоторых плит с личинами А.Н. Липский датировал их неолитическим временем и сопоставил с неолитическими петроглифами из Сакачи-Альяна на Амуре. Центр зарождения подобной традиции, по А.Н. Липскому, находился в юго-восточных районах Азии, откуда ее носители распространились на север – в сторону Берингова пролива и Северной Америки, и на северо-запад – на Средний Енисей [11, с. 30; 12, с. 72].

С выделением окуневского культурного комплекса в самостоятельную археологическую культуру каменные изваяния с антропоморфными ликами были отнесены к этому же времени. Подтверждени

ем этого считалось: 1 – подобные изображения отсутствуют в памятниках афанасьевской культуры; 2 – плиты не использовались в общественной практике; 3 – на черепахах погребенных сохранились следы раскраски (поперечные линии, «третий глаз» на лбу); 4 – изображения некоторых предметов имели реальные прототипы; 5 – этнографические параллели, свидетельствующие о существовании у различных народов практики уничтожать культовые предметы [2, с. 38]. В последующих работах по изучению антропоморфных личин детальную разработку получила переднеазиатская линия сопоставления [21, с. 204-208; 22, с. 170-180; 8, с. 168-241; 15, с. 79-83; 1, с. 55-56].

История изучения наскального искусства Кореи насчитывает не более 40 лет. Первые петроглифы были открыты в 1970 г. в местности Ченчженри. Затем последовал бум новых открытий, наскальные рисунки были открыты в Дэгокри, Унянмене, Додонмене и т.д. В последующее время открытия были незначительны и изучение петроглифов не получало широко развития в силу отсутствия какой-либо базы для сравнения. В 1990-е гг. началась новая волна исследований петроглифов, были открыты наскальные писаницы (Янджунри). Были предприняты первые попытки изучения корейских петроглифов в контексте искусства Северо-Восточной Азии. Этот подход позволил выявить связь с наскальным искусством Северного Китая, Монголии, Сибири и Средней Азии [24, с. 7].

Им Се Гвон подразделяет петроглифы Кореи на два вида: натуралистические изображения и абстрактные формы, по содержанию: 1 – изображения животных и людей; 2 – символы изобилия, типа человеческих гениталий и отпечатков следов человека или животного; 3 – геометрические формы; 4 – изображения божеств; и 5 – изображения кинжалов и наконечников стрел на дольменах. Эти пять характерных сюжетов корейских петроглифов, по мнению исследователя, отражают тесную связь с петроглифами Южной Сибири и Алтая [24, с. 70].

Изображения животных распространены в наскальном искусстве очень широко. Человек отражал в рисунках окружающий его мир, изображение тех или иных животных отражает направленность хозяйства человека, смена объектов изображений свидетельствует об изменениях в хозяйстве [23, с. 32]. Поэтому на корейских петроглифах часто изображены представители морской среды – киты, черепахи. Но есть и изображение лося, тигров, леопардов и диких свиней (Дэгокри) [24, с. 23]. В неолитических петроглифах Сибири (Нижняя Ангара) изображение лося занимало центральное место, в окуневском искусстве появление этого персонажа соотносится с влиянием ангарской традиции [5, с. 44]. Изображения животных выполнены в рентгеновском, или скелетном стиле, что также характерно для окуневских изображений (рис. 1).

Люди на корейских петроглифах обычно небольших размеров, на писанице Дэгокри имеется 11 антропоморфных образов, 5 в профиль и 6 в фас. У профильных изображений ярко выражены репродуктивные органы, они изображены в позе адорации с согнутыми в коленях ногами и приподнятыми кверху руками. Фигуры в фас изображены с расставленными в стороны руками и ногами, разветвленными на конце [24, с. 31]. Подобные изображения известны в Западной Монголии, относятся они к эпохе энеолита (Чулуут) [13, с. 10], на Ангаре (Каменка) [4, рис. 2-9], на Енисее в окуневское время [10, рис.25] (Рис. 2).

К абстрактным фигурам относятся изображения геометрических форм – концентрические круги, алмазы, спирали, изогнутые линии из Чонджонри, некоторое сходство они обнаруживают с изображениями соляных знаков с окуневских стел.

Символы плодородия представлены изображениями женских гениталий подково- или U-образной формы (скала Сугукри) и также отпечатками следов человека или животного [24, с. 40].

Особое место занимают изображения божеств. Первые подобные петроглифы на Корейском полуострове были найдены в Янджун-ри Корен. Они имеют контур трапецевидной формы с широкой верхней частью и двумя или тремя горизонтальными линиями. В углах верхней части изображены два глаза, чуть ниже три вдавленных круга, на подбородке – еще два. От личины вверх и по сторонам исходят линии, возможно, это волосы или солнечные лучи. Их называют антропоморфными или солнцеобразными петроглифами. Корейский исследователь Им Се Гвон соотносит их с изображениями божеств на окуневских изваяниях [24, с. 49]. В Корею подобные изображения известны в Чильпори, Енгиль, Анхвари, Посунгри, Енгчон, Кахынгонг, Енджу, Дэгокри, Намвон и Ансимри и Кенджу, однако их размеры меньше, чем в Янгджонгонг [24, с. 51].

В русскоязычной литературе впервые вопрос соотношения петроглифов Минусинской котловины и Кореи рассматривал Чжан Со Хо. Автором проводится детальный анализ объектов петроглифов Центральной и Восточной Азии, выявляются типичные особенности, их зависимость от географических и окружающих условий, причины трансформации объектов изображений, а также рассмотрены места концентрации. Наскальное искусство этих регионов, по мнению Чжан Со Хо, позволяет вы-

явить общие закономерности его развития и наметить этнокультурные связи в разные исторические эпохи [23, с. 33]. Однако исследователь подходит к изучению петроглифов с позиций искусства, поэтому вопросы, касающиеся их культурной принадлежности, хронологии, характер и причины распространения на столь обширной территории культурной традиции не рассматриваются.

На сходство сюжетов наскального искусства Кореи и Хакасии обратил внимание Вл.А. Семенов. Сопоставляя особенности петроглифов Южной Кореи и Центральной Азии, исследователь выделяет три стилистических и хронологических пласта корейских петроглифов. «Ранний – реалистические силуэтные изображения морских и наземных млекопитающих, птиц и рептилий, а также антропоморфные фигуры, показанные в основном в профиль. Затем появляются рисунки «рентгеновского» стиля, синхронные окуневскому искусству Южной Сибири. Следующий геометрический стиль возникает в процессе развития рентгеновского, когда образ все более преобразуется в знак. Этот период соответствует карасукской и раннескифской эпохе Центральной Азии, т.е. относится к концу 2-го – началу – середине 1-го тыс. до н.э.» [18, с. 6].

Дальневосточное направление в генезисе окуневской культуры Хакасии рассматривалось лишь в работах Л.А. Соколовой. На основе анализа окуневского керамического комплекса ею была выдвинута точка зрения, что на его формирование повлияла «восточная традиция “усеченно-конической” керамики» (форма сосудов, плоское дно) [20, с. 235-236]. Но наиболее ярко влияние восточной миграционной волны, по мнению Л.А. Соколовой, сказывается на изобразительном искусстве, «поскольку во всей Северной Евразии в неолите личины известны только на Дальнем Востоке» [20, с. 236].

Культурные контакты или возможные миграции могли осуществляться через Ангарский регион, поскольку в окуневской традиции прослеживается некоторое влияние “ангарской” изобразительной традиции (анималистические изображения) [19, с. 131].

Таким образом, окуневская изобразительная традиция находит некоторые аналогии в петроглифах Кореи, это проявляется, главным образом, в сюжетах (антропоморфные личины и анималистические изображения). В литературе данный вопрос освещался неоднократно, однако нет специальных исследований, посвященных вопросам возникновения и причинам распространения этой культурной традиции на столь обширной территории.

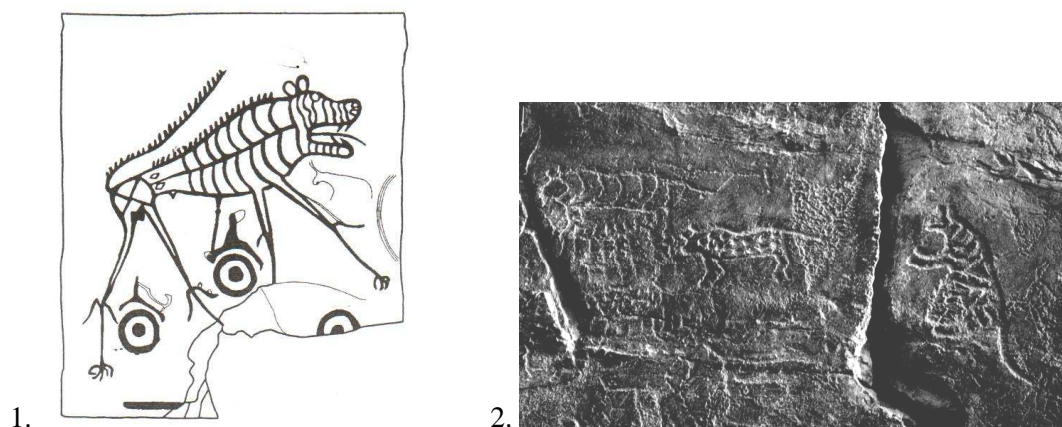

Рис. 1. Скелетный, или рентгеновский, стиль: 1 – окуневская культура (по Н.В. Леонтьеву и др.); 2 – Корея (по Им Се Гвон)

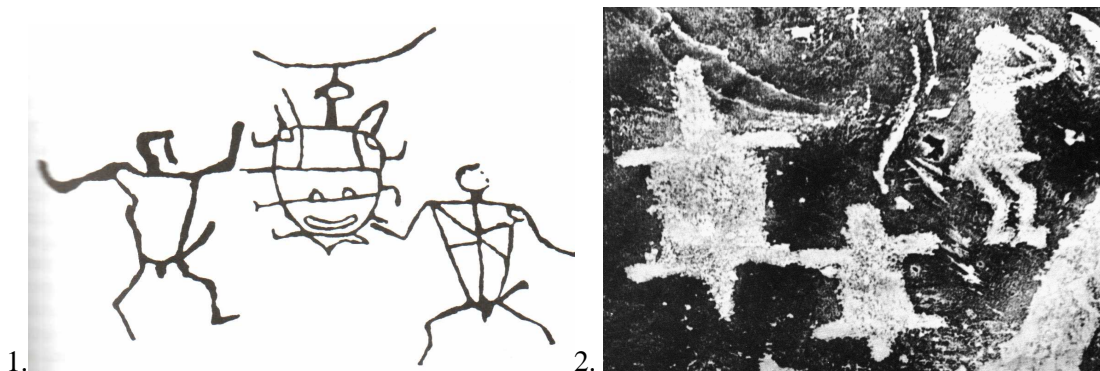

Рис. 2. Антропоморфные изображения: 1 – окуневская культура (по Н.В. Леонтьеву и др.); 2 – Корея (по Им Се Гвон)

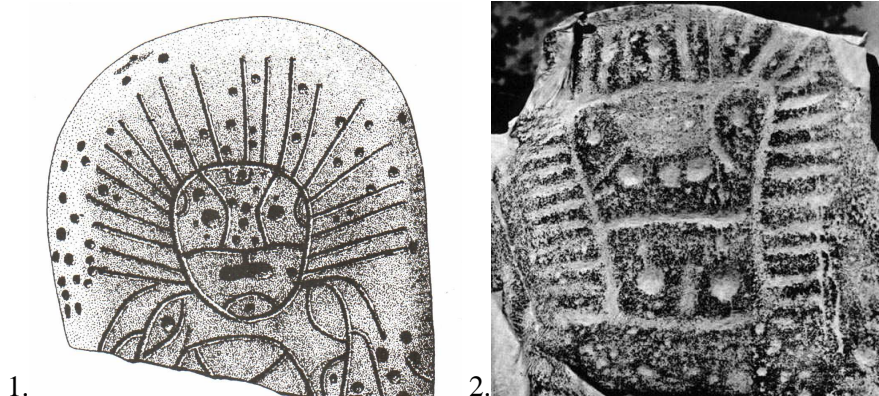

Рис. 3. Солнечные божества: 1 – окуневская культура (по Н.В. Леонтьеву и др.);
2 – Корея (по Им Се Гвон).

Литература

1. Бобров В.В. К проблеме миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 53-56.
2. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 37-87.
3. Громов А.В. Происхождение и связи окуневской культуры // Окуневский сборник. – СПб, 1997. – С. 294-300.
4. Заика А.Л. О полиэikonичности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002. – С. 39-43.
5. Заика А.Л., Журавков С.П. О развитии мировоззрений народов Нижней Ангары в эпоху неолита и палеометалла (по материалам культовых комплексов) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002. – С. 43-45.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
7. Киселев С.В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. – М, 1962. – С. 53-61.
8. Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М., 1986.
9. Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 19-41.
10. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006.
11. Липский А.Н. Американоиды на Енисее // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы всесоюз. конф. – Томск, 1969.
12. Липский А.Н. К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Вып. 3: Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1970.
13. Новгородова Э.А. Основные проблемы историко-культурного развития древней Монголии (3 – 1-е тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист.наук. – Л., 1989.
14. Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. – Алматы, 1994
15. Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1987. – Ч. 2. – С. 79-83.
16. Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 7-18.
17. Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 213-221.
18. Семенов Вл.А. Памятники наскального искусства Южной Кореи (Взгляд из Центральной Азии) // Проблемы развития зарубежного искусства. – СПб.: Российская академия художеств, 2002.
19. Соколова Л.А. Стела из Черновой VIII со знаменитыми быками и неизвестными повозками // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 129-132.
20. Соколова Л.А. Характеристика и типология окуневского керамического комплекса // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2002. – С. 230-236.
21. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. – М., 1969.
22. Хлобыстина М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск, 1971. – С. 165-180.
23. Чжан Со Хо. Наскальные изображения Центральной и Восточной Азии (Культурно-историческое развитие и вопросы интерпретации). – СПб.: Российская академия художеств, ИИМК, 1999.
24. Yim Segweon. Petroglyphs of Korea. – Seoul, 1994.

Мягашев Денис Алексеевич – аспирант Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, silker@rambler.ru

Miyagashev Denis Alekseevich – post-graduate student of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS, Ulan-Ude, Sakhyanova str., 6, silker@rambler.ru